

Помутненный вирусом Джокера разум Сатору Годжо тщетно силился докопаться до сути происходящего.

Так называемый таинственный незнакомец оказался мужчиной в традиционном японском буддийском одеянии — кэса. На лоб его падала странная, причудливо уложенная челка. Очертания этого лица, сам силуэт казались смутно знакомыми, но память отказывалась выдавать хоть какие-то зацепки.

Сердце Годжо на мгновение предательски зачастило, но стоило ему заметить это, как ритм снова выровнялся, став холодным и ровным.

На лице человека, которого звали Сугуру Гето, отразилась целая буря эмоций. Растерянность сменилась неверием, неверие — горьким сожалением, пока наконец все эти чувства не утонули в диком, разнузданном хохоте. От его былой высокомерной сдержанности не осталось и следа.

Кэндзяку буквально катался по земле от хохота, забыв о всяком приличии. Над притихшей базой «Гидры» разносился его неистовый, сочащийся ядом смех. Этот звук пугающе сливался с безумным хохотом самого Джокера — так смеются над глупыми, жалкими ягнятами, безвольно бредущими на убой и не подозревающими о своей участи.

Когда к месту действия подоспел отряд Бэтмена, перед ними предстала дикая, абсурдная картина: двое взахлеб хохотали, содрагаясь всем телом, а Сатору Годжо просто неподвижно стоял рядом с потерянным, отрешенным лицом. Бэтмен уже сделал шаг вперед, намереваясь вмешаться, но дорогу ему преградил Масамичи Яга.

Этот суровый, немногословный человек, на чьем лице оставили глубокий след прожитые годы, молча покачал головой. Он перехватил управление Бэтпланом и отвел машину на безопасное расстояние, выбрав точку с идеальным обзором. Глядя сверху на застывшего внизу Сатору Годжо, Яга прятал в глубине глаз невыразимую тоску. Тяжело вздохнув, он мягко, но настойчиво усадил рвущегося в бой Темного Рыцаря обратно в кресло. А чтобы унять разгоряченного юного Робина, Яга бесцеремонно всучил ему только что созданный проклятый труп в виде забавного щенка.

Щенок немедленно принялся усердно облизывать Дамиана шершавым влажным языком. Опешивший мальчик покрепче прижал к себе мягкую игрушку и яростно зыркнул на директора:

— Отпусти моего отца!

То ли дело было в непревзойденном мастерстве Яги, оживлявшем пушистых зверьков, то ли в его врожденной способности ладить с животными, но юный Робин, обычно признававший исключительно язык силы и готовый за малейшую провинность пустить в ход катану, на сей раз сдержался. Он не стал сталкивать наглого чужака из открытого люка Бэтплана.

— Почему мы отступаем? — резко спросил Найтвинг.

Тим Дрейк, не отрывая взгляда от экрана портативного компьютера, тоже недоуменно нахмурился. Предыдущие столкновения ясно дали понять: эти новоприбывшие японцы им не враги. У них общая цель, и за судьбу Сатору они переживают ничуть не меньше обитателей Готэма. Но почему тогда, едва обнаружив Годжо, они уводят самолет подальше от крыши? Члены семьи Бэтмена не любили чувствовать себя слепыми фигурами на доске. Им требовались ответы.

Яга и Наными хранили молчание, игнорируя сыплющиеся вопросы. Поджав губы, директор Масамичи хмуро смотрел вниз на Кэндзяку, бесчинствующего в чужом теле.

— Это их дело, — наконец глухо обронил он. — Нам там делать нечего.

Готэмские защитники переглянулись.

— Мы — его семья, — не терпящим возражений тоном произнес Брюс. Сбросив маску холодного безразличия, он говорил прямо и открыто. — И мы имеем полное право знать, что здесь происходит.

Яга прислонился к переборке Бэтплана и прикрыл глаза, словно уносясь мыслями в далекое, невозвратное прошлое.

— Когда-то они оба были моими учениками, — заговорил он. — Вы уже знаете, что настоящий Сугуру Гето давно мертв. Телом, которое вы видите, завладел Кэндзяку — древний маг-заклинатель, живущий на свете тысячи лет. Но когда-то... Сугуру и Сатору были лучшими друзьями.

Директор горько, едва заметно усмехнулся, и в этой улыбке сквозила глубокая, застарелая боль.

— Нет. Они оставались ими всегда. До самого конца.

— Знаете ли вы, как оборвалась жизнь Сугуру Гето? — внезапно подал голос Нанами. Он стоял у самого края приоткрытой аппарели, упрямо игнорируя бьющие в лицо яростные потоки ветра, и неотрывно смотрел на двоих юношей, вновь оказавшихся лицом к лицу.

Из-за искажений пространства и времени оба они сейчас выглядели совсем юными — точно такими, какими были в школьные годы. словно сама судьба издевательски заставляла их заново пережить то забытое время.

— Сугуру Гето погиб от рук Сатору Годжо, — отчеканил Кенто. — Сатору самолично казнил своего лучшего друга.

Тем временем на крыше базы Кэндзяку никак не мог успокоиться. Сатору Годжо безмолвно наблюдал за беснующимся существом, пока то наконец не выбилось из сил. Смахнув набежавшие от смеха слезы, древний колдун уставился на юношу взглядом, полным ядовитого сочувствия.

Перед ним стоял баловень судьбы. Величайший маг современности, Небесный взор, наделенный всем, о чем только можно мечтать: безупречной внешностью, могуществом, древним происхождением и непревзойденным талантом. И теперь Кэндзяку смотрел на этого «небожителя» с искренней, издевательской жалостью.

— Как же мне жаль беднягу Сугуру... — Кэндзяку сделал шаг вперед.

Годжо не шевелился, оцепенев от нахлынувшего смятения. В его груди тугой спиралью закручивались ярость, растерянность и смутная, необъяснимая боль. Он смотрел на врага, силясь разгадать эту шараду.

А Кэндзяку упивался своей победой. Лицо его исказила торжествующая гримаса.

— Ты... ты ведь даже не помнишь его! — выплюнул он.

Он раскинул руки, закинул голову к небу и снова зашелся в диком припадке хохота:

— Ты забыл его! Собственного лучшего друга! Ха-ха-ха-ха!

Взгляд Годжо оставался пустым и непонимающим.

— А ведь он до самого конца, ценой последних, жалких крупиц разорванной души оберегал тебя! — Кэндзяку сощурился, чеканя каждое слово. — Тот, чью плоть ты самолично растерзал, защищал тебя до последнего вздоха, чтобы ты невредимым перенесся в этот мир. И ради чего? Чтобы ты просто вычеркнул его из памяти? Какая нелепая, какая упоительная комедия! Как это жалко! Как тошнотворно!

Заметив, как Годжо до крови сжал кулаки, Кэндзяку расплылся в довольной ухмылке.

— Иначе с чего бы мне, затащившему тебя в этот мир, так долго не удавалось напасть на твой след? Думаешь, тебя охраняло благословение этой вселенной? Нет! Это тот мерзавец растратил себя без остатка, чтобы укрыть тебя, проложить тебе безопасную дорогу!

Магический мир. До перемещения

Кэндзяку стоял на полуразрушенной крыше, наблюдая за финалом грандиозной бойни. Объятые безумным экстазом Сатору Годжо и Рёмен Сукуна сошлись в последнем смертоносном столкновении. Ни сильнейшего мага современности, ни Короля Проклятий невозможно было уничтожить бесследно. В итоге Сукуна вновь обратился в двадцатку неразрушимых проклятых пальцев, а Годжо остался лежать на грани жизни и смерти. Истощенный до предела, он не мог наскрести проклятой энергии даже на простейшую Обратную проклятую технику.

Но пока в этом теле теплилось дыхание, Сатору представлял смертельную угрозу для планов Кэндзяку. Однажды этот монстр уже вырвался из запечатанных Врат Заключения. Оставлять его в живых в этом мире было непозволительным риском. И тогда древний колдун решился на отчаянный шаг.

«Смертельная миграция» завершилась, расстановка сил устоялась. Убивать Годжо напрямую было нельзя: его смерть лишь спровоцировала бы рождение нового обладателя Шести Глаз, что спутало бы Кэндзяку все карты. Взвесив все за и против, он решил прибегнуть к запретному ритуалу и изгнать Сатору в иное измерение. Сохранить ему жизнь, но убрать с доски навсегда. Находясь в эпицентре временного разлома без магической защиты, Годжо неминуемо подвергся бы страшному откату — его силы истощились бы, а законы чужого мира и вовсе могли запечатать проклятую энергию, превратив величайшего мага-заклинателя в заурядного обывателя.

Он должен был стать ничтожным, слабым смертным.

Но Кэндзяку не учел одного.

Труп Сугуру Гето, чье неповиновение при запечатывании Годжо он счел лишь посмертным рефлексом обезглавленного насекомого, под воздействием временного хаоса сумел собрать воедино уцелевшие осколки собственной души!

— Проклятье! — яростно рычал Кэндзяку, сцепляясь в схватке с призраком Гето прямо в межпространственном туннеле. — Что ты творишь?! Твоя едва уцелевшая душа сотрется в порошок! Зачем проявлять такую глупость? Когда мой замысел осуществится, твой долгожданный рай для магов станет реальностью! Чем ты недоволен?!

— Мой мир никогда не будет построен на костях и слезах магов-заклинателей, — отозвался дух Сугуру, вырывая длинное, безжизненное тело Сатору из цепких рук паразита.

Они были близнецами по плоти, но душевный свет делал их бесконечно далекими друг от друга.

Сугуру мягко взъерошил засыпанную пеплом белоснежную макушку спящего друга.

— И надо же было так вытянуться за то время, что мы не виделись? Такую каланчу теперь и утащить-то непросто...

Кэндзяку застыл под его спокойным, умиротворенным взглядом.

— Я мертв, — негромко произнес Гето. — И не стану цепляться за то, что мне больше не принадлежит. Но этот идиот... — он бережно прижал к себе спящего Сатору, — мой лучший друг. Мы знатно повздорили перед смертью, это правда. Но я ни за что не позволю какой-то твари носить мое лицо перед ним!

В вихре пространственного разлома Сугуру Гето успел проскочить на мгновение раньше. Он увлек Сатору за собой, бесследно растворившись на просторах чужой вселенной. Кэндзяку же, вывалившись следом, тут же столкнулся с жесточайшим давлением местных законов физики. Его колдовские силы и запас энергии мгновенно сжались до минимума. На первых порах он не мог призвать даже слабейшего проклятого духа-ищейку, из-за чего драгоценное время для погони было безвозвратно упущено.

Хуже того, из-за их отчаянной схватки пространственный коридор рухнул, отрезав Кэндзяку путь назад. Пуститься в бег или попытаться вернуть былое величие в родном мире стало невозможно. Единственное, что ему оставалось — затаиться в этой вселенной и выжидать момента, чтобы окончательно растоптать Сатору Годжо.

Шестиглазому магу-заклинателю для управления силой требовалась предельная концентрация, безупречный логический расчет и стабильный рассудок. Стоило психике Сатору дать трещину, как хваленая точность его техник рассыпалась бы прахом. В худшем случае он превратился бы в безумного мясника, несущего лишь хаос и смерть.

А безумных палачей карает сама вселенная. Кэндзяку не пришлось бы марать руки — помутившийся умом Небесный взор пал бы под тяжестью законов чужого мира. И даже если законы магии требовали присутствия Шести Глаз в колесе перерождений, оскверненная душа Сатору едва ли смогла бы вновь воплотиться в их родном мире и стать преградой на пути Кэндзяку.

Именно поэтому он с таким рвением ухватился за идею союза с Джокером. Кто справится с задачей довести человека до безумия лучше, чем этот прирожденный психопат?

Гибель семьи Бэтмена должна была выбить почву из-под ног Годжо, лишив его единственного оплота и пристанища в этом мире. Оставшись неприкаянным сиротой на пепелище собственных привязанностей, да еще и зараженный вирусом Джокера, Сатору балансировал на самом краю пропасти.

Но главным подарком судьбы для Кэндзяку стала амнезия Годжо. Из-за нее весь жертвенный порыв Сугуру Гето превратился в издевательский анекдот! Сатору забыл и родной мир, и то, что некогда совершил ради него его почивший друг.

— Какая глупая, бессмысленная трата сил... — глумился Кэндзяку.

Он небрежно отбросил в сторону Перевернутое копьё небес — артефакт, который с таким трудом разыскивал, — и свысока взглянул на дезориентированного юношу. Сегодня триумф принадлежал ему!

— Ты остался ни с чем. Пустой, глупый младенец, не знающий своего прошлого.

Душа Сугуру, растраченная на защиту друга, распалась окончательно. От нее не осталось даже следа, способного войти в реку перерождений. Бездушные тени не возвращаются.

Кэндзяку смаковал этот момент, ожидая, когда Сатору окончательно сорвется в бездну отчаяния, когда вирус Джокера довершит начатое и превратит гордого мага-заклинателя в безумного изгоя, презираемого самими небесами.

Какой, к черту, избранник судьбы? Победителем из этой игры выйдет только он!

Заливаясь торжествующим смехом, древний паразит праздновал триумф.

Но в следующую долю секунды Сатору Годжо телепортировался прямо к нему, мертвой хваткой вцепившись Кэндзяку в горло.

— Понятия не имею, какую чушь ты тут несешь, — ледяным тоном процедил Годжо. Его лазурные, пугающе яркие глаза сощурились, вперились в лицо врага. — Но одно я знаю точно: ты меня выбесил. Даже будь я беспомощным младенцем... неужели такой мусор, как ты, всерьез рассчитывал до меня дотянуться?!

Внезапно на плечо Сатору легла чья-то ладонь.

Там, на крыше, произошло нечто совершенно непредвиденное.

<http://bllate.org/book/19544/2004473>